

УДК 272 (476)

А. И. ГАНЧАР

**ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. Е. СЕНЧИКОВСКОГО
ДЛЯ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Гродненский государственный аграрный университет, Гродно, Беларусь, e-mail: gancharandrel@yandex.ru

Рассматриваются роль и значение деятельности Ф. Е. Сенчиковского для римско-католической церкви в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) путем сравнения и анализа ранее не известных фактов, которые имели место в жизни римско-католического священника. На основе статистических сведений, исторических свидетельств осуществления служения ксендза в Минской губернии, нахождения в Гродненской губернии, служения в Туркестанском крае Российской империи делается вывод о неоднозначной роли личности Ф. Е. Сенчиковского в истории римско-католической церкви в Российской империи указанного периода.

Ключевые слова: Ф. Е. Сенчиковский, римско-католическое духовенство, русский язык, римско-католическое богослужение, училище органистов, Минская губерния, Гродненская губерния, Туркестанский край.

A. I. HANCHAR

**IMPORTANCE OF F. E. SIENCHYKOVSKI
ACTIVITIES FOR THE ROMAN CATHOLIC CHURCH IN THE RUSSIAN EMPIRE
(THE SECOND HALF OF XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES)**

Grodno State Agrarian University, Grodno, Belarus, e-mail: gancharandrel@yandex.ru

Discussion devoted to the role and importance of F. E. Sienchykovski's work for the Roman Catholic Church in the Russian Empire during the second half of XIX – beginning of XX centuries has been presented in the article through comparison and analysis of previously unknown facts, which took place in the life of the Roman Catholic priests.

On the basis of statistical information, historical evidence of the exercise of his ministry in Minsk province, stay in Grodno province, serving in the Turkestan of the Russian Empire, it is concluded duality evaluation of the role of F. E. Sienchykovski's personality in the Roman Catholic Church history in frames of the Russian Empire specified period.

Keywords: F. E. Sienchykovski, the Roman Catholic clergy, Russian language, Roman Catholic worship, college of organists, Minsk province, Grodno province, Turkestan.

Насколько двойственный характер имели поступки римско-католического священника Фердинанда Евстафьевича Сенчиковского, настолько двойственны оценки исследователей, принадлежавшие даже к одному направлению в историографии. Из исторической литературы, изданной до 1917 г. в Российской империи, следует отметить труд А. В. Жиркевича, в котором автор характеризует Ф. Е. Сенчиковского как истинно русского человека и патриота своей родины – России, искренне любившего ее до самого конца [1, с. 673]. Следует отметить помещенную А. В. Жиркевичем в свой труд вышедшую в 1893 г. брошюру профессора Краковского университета ксендза Кнапинского, который с различных точек зрения (канонической, исторической, культурной, философской, этической) рассматривал проблему введения русского языка в римско-католическое богослужение [2]. Брошюра Кнапинского ценна еще и тем, что на ее полях Ф. Сенчиковский сделал заметки, выразив таким образом свое несогласие с приведенными доводами, что дает возможность исследователям лучше понять психологию, мотивацию его поступков [1, с. 465–504].

На страницах «Литовских епархиальных ведомостей» нашли отражение различные аспекты деятельности Ф. Е. Сенчиковского. «Литовские епархиальные ведомости» не смогли прийти к единой оценке событий, что следует из характеристики Ф. Сенчиковского: в одной статье приведено его письмо в редакцию, в котором ксендз утверждал, что он белорус, с русским происхождением и верный католик, любящий свое российское Отечество, а в другой – что Ф. Сенчиковский – поляк, верующий в Россию [3, с. 5; 4, с. 7; 5, с. 8; 6, с. 10–11; 7, с. 6; 8, с. 8; 9, с. 5].

Одобрение действий Ф. Сенчиковского находим у Д. К. Чихачева, В. Н. Линкевича [10, с. 26; 11, с. 14]. Белорусский ученый А. Ф. Смоленчук утверждает, что настоящим побуждающим мотивом деятельности Ф. Сенчиковского следует считать его старание по «слиянию русских по народности и по унии белорусов с православием и Россией» [12, с. 68; 13, с. 55]. На полной «защите рациональных аргументов визитатора Ф. Е. Сенчиковского, бессилии ксендза перед эффективными пропагандистскими приемами его многочисленных противников» построил свой труд А. Ю. Бендин [14, с. 99].

Польские авторы в большинстве своем восхваляли тех ксендзов, кто выступал в защиту польского языка, не анализируя характер их поступков (им было достаточно самого факта непринятия русского языка), а также крайне негативно относились к «ритуалистам» [15, s. 217; 16, s. 49–50; 17; 18, s. 62]. С. Кжеменский положительно характеризовал ксендзов, высланных из Минской губернии за сопротивление введению русского языка, а Ф. Сенчиковского, Я. Юргевича (визитаторов костелов Минской губернии, активно выступавших за русский язык) и других «ритуалистов» объявил предателями, врагами Костела [15, s. 217, 219, 234–235]. Вторил ему Я. Пжибышевский, Ю. Жискар, З. Нагродский, Ф. Шнарбаховский, Б. Кумор [19, s. 46; 20, s. 126; 21, s. 82; 22, s. 92; 23, s. 377–378], а современный польский исследователь М. Радван и вовсе указал, что обязанностью визитатора костелов Минской губернии Ф. Сенчиковского была русификация белорусского душепастырства [24, s. 219].

Историк, этнограф, краевед, переводчик А. Ельский видел во введении русского языка в римско-католическое богослужение не только отступление от костельных канонических правил, но и от «краевой» традиции [25, s. 17, 23]. А. Ельский характеризовал Ф. Сенчиковского и прочих «ритуалистов» как вероотступников и превозносил в своих оценках ксендзов, не отступивших от употребления польского языка в римско-католическом богослужении [25, s. 17–18, 20]. Солидарен с А. Ельским и Ю. Жискар, воспользовавшийся его трудом: порой просто переписав отдельные страницы, особенно, что касается ксендзов, не принявших русский язык [25, s. 136].

Стоит согласиться с мнением М. Д. Долбилова, что администрация Российской империи была заинтересована в сотрудничестве с молодым ксендзом не только в качестве проводника русского языка. Предприимчивость и амбиции Ф. Сенчиковского на стезе клерикальной карьеры действительно создавали возможность для ужесточения государственного надзора над римско-католической церковью и, в широком смысле, усиления присутствия в сфере католической религиозности [26, с. 635].

Целью данной статьи является выявление роли и значения деятельности Ф. Е. Сенчиковского для римско-католической церкви в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. путем сравнения и анализа ранее не известных фактов, имевших место в жизни римско-католического священника.

25 декабря 1869 г. указом императора Российской империи «в отеческом попечении о своих верноподданных, без различия вероисповеданий, желая, чтобы те из них, которые родным своим языком считают язык Русский, в том или другом его наречии, не были лишены права пользоваться им в делах своей религии, Всемилостивейши соизволил разрешить употребление Русского языка в Богослужении и вообще в делах религии всех Иноверческих исповеданий. Но как само собой разумеется в применении этого распоряжения к Богослужению в Римско-католической Церкви для оной остается литургическим языком, установленный таковым церковью, язык латинский и разрешение относится только к дополнительному Богослужению, или к тем частям оно, для которых вместо языка латинского употребляются уже другие языки и наречия, как-то: немецкий, французский, польский, латинский и др.» [27, л. 123].

8 июня 1869 г. в м. Блони Игуменского уезда Минской губернии законоучитель народной школы ксендз Ф. Сенчиковский совершил в местном костеле молебен на русском языке, после

чего покрестили несколько младенцев с произнесением молитв на русском языке [28, л. 74]. Продолжая начатое дело, Ф. Сенчиковский во все праздничные дни после литургии, совершаемой на латинском языке, всходил на хоры и, аккомпанируя себе на органе, пел на русском языке наиболее употребляемую у католиков священную песню: «Под Твою оборону притекаем, Дева!» [29, с. 230–231]. Местные православные священники отзывались о ксендзе Ф. Сенчиковском как о человеке энергичном и сознательно преданном делу. Еще во времена приезда своего в приход в конце 1868 г. он уже употреблял в разговоре с домашними только русский язык [30, с. 342].

Свое мнение по поводу употребления русского языка в римско-католическом богослужении Ф. Сенчиковский изложил в «Литовских епархиальных ведомостях»: «Латинский язык, как литургический, должен остаться и остается, ибо это определено соборами, канонами и Папами. Но замена одного гражданского языка другим, тоже гражданским языком, совершенно дозволительна и справедлива. Богу, Папе и соборам решительно все равно, на каком языке кто говорит, лишь бы только он был праведным католиком и исполнял по совести римско-католические обряды» [7, с. 5]. Замеченный высокопоставленным чиновником Министерства внутренних дел Л. С. Маковым, владельцем имения по соседству с костелом в м. Блонь Игуменского уезда, Ф. Е. Сенчиковский был продвинут по службе [26, с. 632–633].

С введением русского языка в преподавание Закона Божьего римско-католического исповедания в учебных заведениях Виленского учебного округа были широко распространены несколько русскоязычных учебников по этому предмету [31, с. 414]. В 1871 г. ксендзы-законоучителя получили и русскоязычный «Римско-католический катехизис о повиновении и преданности престолу и отечеству нашему России или объяснение 4-й заповеди Господней, касательно начальства и его власти» по изданию, одобренному Виленским римско-католическим епископом Красинским. Труд этот был переведен с польского языка Минским деканом ксендзом Ф. Сенчиковским [32].

За ксендзами, употреблявшими русский язык, прочно закрепились названия: «требниковец», «казенный раввин», «десятский». Ф. Сенчиковский предлагал графу Сиверсу для ликвидации подобных названий сделать ксендзов почетными канониками [1, с. 286]. Позже сам Ф. Сенчиковский присвоит себе это звание и в своей переписке всегда будет подписываться как каноник.

В 1870 г. в г. Минске при непосредственном участии Ф. Е. Сенчиковского при костеле св. Троицы было открыто училище для приготовления органистов, которые могли бы исполнять в костелах пение на русском языке, чтобы распространять среди католиков «дополнительное» богослужение на русском языке и развивать в них любовь ко всему русскому и верноподданнические чувства к престолу и России. За это, кроме получаемого жалованья от настоятелей костелов, согласно примечанию к §18 устава училища органистов, изданного в 1877 г., они получали еще от правительства по 180 руб. в год [1, с. 504–505]. В училище 30 крестьянских мальчиков католического исповедания получали знания по общеобразовательным предметам, а также русскому языку, латыни и музыке [33, с. 134]. На открытие училища Министерство внутренних дел, «поняв пользу от школы русских органистов», выделило 21 953 руб. [7, с. 6; 10, с. 15]. Всего же, по подсчетам М. Радвана, на училище органистов за весь период его существования было выделено 106 785 руб., в то время как на услуги «требниковцев» (доплаты ксендзам до 600 руб., а органистам по 180 руб.) за период 1871–1898 гг. было израсходовано 241 785 руб. [24, с. 229].

Открытие училища органистов было удачным ходом: органист мог стать действенным помощником в деле продвижения русского языка в богослужении, к тому же он не мог не иметь влияния на паству. Но мало было обучить органистов, следовало их еще и вдохновить соответствующей идеей. Естественно, что управление учебным учреждением было отдано Ф. Сенчиковскому. По окончании училища органисты давали расписку, в которой обязывались, согласно училищному уставу, все духовные требы исполнять на русском языке [34, л. 2; 20, с. 132]. Безуспешны оказались попытки митрополита римско-католической церкви в Российской империи А. Гинтовта отстоять право священника на принятие или увольнение органиста – лица, не отнесенного Уставом духовных дел иностранных исповеданий к числу римско-католического духовенства. За неприятие предложенного гражданскими властями органиста, обученного к употреблению русского языка, в апреле 1884 г. настоятеля Холопеничского прихода Лазаревича сослали в г. Вологду. Холопеничский приход вплоть до 1896 г. оставался без постоянного ксендза [1, с. 63, 65].

Процесс введения русского языка в Минской губернии, несмотря на столь значительную правительственную поддержку, не был гладким. Администратор Докшицкого костела Минской губернии ксендз Горбатовский под воздействием помещиков прекратил вести богослужения на русском языке. Но после расписки Борисовскому декану ксендзу Лукашевичу богослужение вел на русском языке. Впоследствии Горбатовский нашел для себя выход из создавшегося положения: молитвы за царствующий дом вел на русском языке, а все остальное – на латыни. Настоятель же Лагойского костела Лемпицкий русский язык использовал лишь в табельные, праздничные дни, а также тогда, когда в костеле было незначительное число молящихся. В целом, использовался латинский и польский язык. Такое положение было во всем Борисовском уезде [36, л. 14].

21 июня 1870 г. после богослужения в Кальварийском костеле, в четырех верстах от г. Борисова, верующие, подбиваемые бывшими студентами Петербургского университета А. Буйницким, дворянином Л. Гордзевичем и Х. Стеткевичем, устроили бунт в первую очередь против ксендза Ф. Сенчиковского и против введения русского языка в католическом богослужении [37, с. 48; 13, с. 56; 38, л. 2]. 2 февраля 1872 г. в г. Минске проходила огромная процессия. Народ обратился с просьбой к Минскому губернатору В. Н. Токареву с просьбой, чтобы он запретил Ф. Сенчиковскому его деятельность. Католики осудили Ф. Сенчиковского в насиловании девушек и женщин, оргиях со своими органистами, краже костельных ценностей [20, с. 133]. Воспользовавшись возможностью, собравшиеся избрали четырех человек, чтобы просить Минского губернатора Токарева запретить въезд декану. Но губернатор не поверил посланникам, сослав их во внутренние губернии России, а остальных активных борцов оштрафовал от 50 до 100 руб. [39, с. 101].

Ф. Сенчиковский был неутомим в посылке разнообразных прошений об активизации процесса введения русского языка в римско-католическое богослужение, разясняя чиновникам причину бездействия епархиального начальства в лице П. Жилинского в деле обрусения католиков и располычения католицизма. Сам Ф. Сенчиковский не раз посещал г. Санкт-Петербург, встречаясь с высокими представителями правительства, даже и не уведомляя администратора Виленской римско-католической епархии П. Жилинского [1, с. 280].

В июле 1876 г. администратор Виленской римско-католической епархии П. Жилинский, приостанавливая функции деканов в Минской губернии, назначил двух визитаторов – кс. Ф. Сенчиковского и кс. Ивана (Яна) Юргевича. Обоим был назначен дополнительный заработок в 500 руб. в год, не считая других доходов [26, с. 75]. В первое визитаторство входили следующие уезды: Минский, Борисовский, Игуменский, Бобруйский, во второе – Речицкий, Мозырский, Пинский, Слуцкий и Новогрудский уезды [28, л. 1]. По словам же Ф. Сенчиковского, деление на два визитаторства было сделано, во-первых, с целью показать, что ни один Ф. Сенчиковский хлопочет о русском языке, а, во-вторых, чтобы Я. Юргевич работал все-таки под надзором Ф. Сенчиковского в качестве «негласного помощника» [1, с. 509].

Согласно инструкции, утвержденной 9 июля 1876 г. императором Александром II, в обязанности визитатора входило проведение не реже чем два раза в год ревизий костелов и каплиц, с проверкой церковных сумм и имущества, состояния зданий; «строгий надзор за нравственностью и благонадежностью» духовенства; разрешение «споров и недоразумений» внутри клира. Главным же предметом его деятельности являлось распространение русскоязычного богослужения и проповеди. Визитатору давалось право ходатайствовать о поощрении ксендзов, совершающих службу на русском, и об «удалении или перемещении» тех, кто от этой меры уклонялся. Визитатор уполномочивался в ходе ревизий совершать дополнительное богослужение по-русски во всех костелах, включая те, где оно до этого не практиковалось, и «представлять епархиальному и гражданскому начальству свое мнение» о прекращении в данном храме богослужения на польском. В тексте инструкции, утвержденной 9 июля, условием такого ходатайства визитатора ставилось проявление прихожанами «сочувствия» к службе и «увещательной проповеди» на русском. В сентябре 1876 г. Ф. Сенчиковский, уже в качестве визитатора, обратился напрямую в Департамент духовных дел иностранных исповеданий с запиской, где разяснял, что упоминание о «сочувствии» «даст повод недобросовестным лицам влиять на прихожан, чтобы они не выражали сочувствия к богослужению на русском языке». Он предлагал допустить, чтобы визитаторы ходатайствовали о введении русского языка по факту богослужения в данном храме, независимо от реакции прихожан. Министр представил императору новый доклад

по этому делу, и 19 ноября 1876 г. Александр II, чьи помыслы, по утверждению М. Долбилова, были заняты тогда подготовкой к войне с Турцией за освобождение Болгарии, вторично утвердил инструкцию в рекомендованной Ф. Сенчиковским редакции [26, с. 673–674].

Ксендзов, которые противились требованиям Ф. Е. Сенчиковского и решениям Министерства внутренних дел, по распоряжению П. Жилинского переводили на другие приходы, штрафовали или отправляли в Несвижский доминиканский монастырь. Этот монастырь был «специализированной» тюрьмой для тех ксендзов, которые оказали активное сопротивление именно принятию русского языка в римско-католическом богослужении. Из 32 представителей римско-католического духовенства, находящегося там по состоянию на 1871 г., 2 ксендза были заключены в монастырь в 1867 г., 8 – в 1870 г., остальные – в 1871 г. [26, с. 76]. Некоторые священники были сосланы в г. Вильно – в упраздненный монастырь кармелитов: Ивашкевич из г. Несвижа, Рубша – из г. Новогрудка, Вашкевич, Шойтмир, Лавринович – из г. Минска [26, с. 77]. В Сибирь были сосланы следующие ксендзы: В. Кашко – из м. Дубровы, В. Мисевич и А. Наркевич – из м. Ивенца, А. Казакевич – из г. Заславля, И. Домбровский – из Семкового Городка, М. Томашевич – из г. Койданова, К. Добровольский – аббат из м. Городища [26, с. 77].

Необходимость наказания «упорствующих» ксендзов получала у Ф. Сенчиковского следующее религиозно-политическое обоснование: «Народ наш католический в здешнем крае по языку, чувству, убеждению и обычаям чисто русский, но его отрывает от России польский католицизм. Ксендз и костел для него все и вся, ибо в руках ксендза его драгоценнейшая частица, все его духовное существование. Ксендз вправе дать ему пекло, огонь и мучение или же рай, небо и блаженство. Но народу только разъясняют, и он убежден, что ему не добиться неба без религии, а религия в руках ксендза, и эта религия и этот ксендз польские, следовательно, надо быть поляком, дабы спастись, дабы быть счастливым. Вот то понятие, которое навязывалось и навязывается польско-клерикальной партией темной массе нашего народа. С уничтожением же в костеле польского языка уничтожается единственная связь, единственное огниво и цепь, соединяющие здешний край и народ с польскими идеями и притязаниями. Вот почему так серьезно не допускается введение русского языка в католическое богослужение и вот почему достойны строжайшего взыскания те ксендзы или польские пропагандисты, которые на религиозной основе и фундаменте строят политическо-польские идеи во вред России» [14, с. 97].

27 марта 1877 г. к ордену св. Станислава 2-й степени был причислен визитатор костелов Минской губернии декан Ф. Сенчиковский [34, л. 137]. Награда была получена за изданный Ф. Сенчиковским в декабре 1876 г. циркуляр к духовенству Минской губернии, в котором Ф. Сенчиковский обосновывал историческое право на употребление русского языка в римско-католическом богослужении, призвал римско-католическое духовенство вводить русский язык в богослужение, а также вмешался в установленный канонический и костельный порядок проведения богослужений, давая собственные советы, как следует поступать в различных ситуациях, а указ Александра II от 25 декабря 1869 г. объяснял как приказ по обязательному введению русского языка, поскольку природным языком местного населения являлся, по его мнению, русский язык [1, с. 363; 21, с. 32; 12, с. 71].

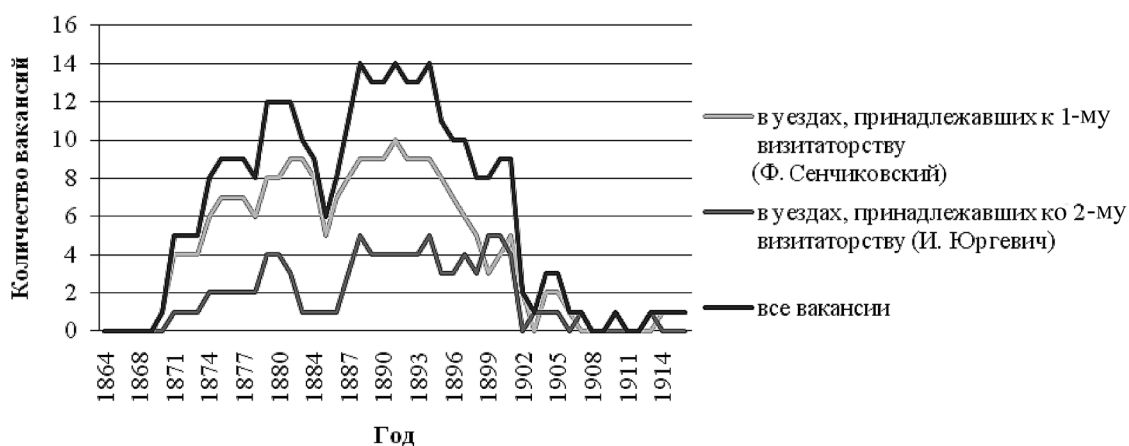
23 января 1878 г. Римская курия осудила П. Жилинского за самовольное вступление в управление епархией, а также обвиняла в лишении лучших ксендзов должностей и введении в костел русского языка [12, с. 72]. 5 сентября 1879 г. Римская курия экскоммунировала П. Жилинского, Ф. Сенчиковского и И. (Я.) Юргевича [23, с. 378].

К концу 1878 г. русскоязычное богослужение не было закреплено ни в одном новом костеле. Как и в 1876 г., этот список насчитывал 21 костел. Мало того, в четырех из них из-за устроенной Ф. Сенчиковским и И. Юргевичем кадровой чехарды не имелось настоятелей, т.е. ни служба, ни требы не совершались вовсе. Оба визитатора не смогли представить директору ДДДИИ А. Н. Мосолову удовлетворительных объяснений относительно некоторых священников, которых они «выжили из губернии или переместили на другие приходы», включая тех, кто проводил службу на русском языке. Ни Ф. Сенчиковский, ни И. Юргевич не сумели назвать ни одного кандидата на вакантные приходы, где утвержден русский язык [26, с. 694].

Из тридцати «польских» приходов вакантными на тот момент были шесть (рисунок) [37, с. 130–133; 40; 41, с. 151–157; 42, с. 36, 46, 58, 77, 87, 94; 26, с. 447, 679, 683; 43, с. 132–133; 369;

84, с. 90; 26; 44, с. 107–108, 167, 191, 210–211, 225–226, 242–243, 260, 274; 45, ч. 1, с. 71, 94, 111, 112, 126, 145, 156, 167, 175–176; 46, ч. 1, с. 74, 94, 111, 112, 126, 145, 156, 167, 175–176; 20, с. 222–233; 47, ч. 1, с. 74, 92–93, 110, 123–124, 133–134, 141–142, 151–152, 161, 169; 85, л. 56–70; 1, с. 60–66; 37, ч. 1, с. 167, 184, 203, 229, 249, 279, 298; 49, с. 163, 190, 205, 236, 254, 274, 310; 50, с. 78, 165, 185, 204, 243, 268, 307; 51; 52, с. 73–74, 99, 122, 138–139, 155, 171, 186, 205, 223, 241; 53, с. 67–68, 97, 121, 138–139, 155–156, 171–172, 187, 208, 221–222, 239; 54, с. 73, 96, 118–119, 136, 151, 167, 182–183, 203, 217, 234; 55; 56, с. 65, 88, 110, 127, 143, 159, 174, 207, 224; 57, с. 222, 255, 262, 272, 287, 295, 303, 311, 318; 58, с. 72, 104, 111, 123, 131, 139, 147, 155, 163, 370; 59, с. 40, 47, 58–59, 66, 74, 83, 91, 100, 106; 60, с. 41, 49, 61, 69, 77, 86, 94, 103, 107; 61, с. 9, 42, 50, 62, 69, 78, 86, 95, 104, 111; 62, с. 9, 50, 62, 70, 77, 86, 95, 104, 111; 63, с. 11, 47, 56, 69, 78, 86, 105, 114, 122; 64, с. 12, 49, 56, 67, 74–75, 81, 97, 106; 65, с. 9, 44, 52, 74, 81, 98, 106, 113; 66, с. 4, 44, 52, 65, 75, 84, 93, 104, 114, 122; 67, с. 41, 49, 61, 71, 80, 89, 98, 106, 113; 68, с. 60, 98, 107, 121, 132, 141, 151, 162, 173, 182; 69, с. 61, 104, 114, 130, 142, 152, 163–164, 176, 188, 197–198; 70, с. 61, 109, 120, 137, 151, 162, 174, 188, 201, 212; 71, с. 60, 107, 118, 134, 147, 158, 167, 182, 195, 207; 72, с. 60, 110, 121, 136, 148, 158, 169, 170, 182, 194, 204; 73, с. 61, 113–114, 124–125, 140, 153, 163, 174, 187, 200, 211; 74, с. 55, 102, 112, 127, 139, 149, 159–160, 171, 182, 192–193; 73, с. 60, 106, 115, 129, 141, 150, 161, 171, 182, 192; 74; 75; 76, с. 60, 106, 116, 129, 140, 143, 160, 171, 182, 192; 77, с. 61, 110, 119, 135, 146, 156, 167, 178, 190, 200; 78, с. 60, 104–105, 114, 128, 145, 156, 165, 176, 185; 79, с. 62, 117, 128, 144–145, 156, 166, 178–191, 204, 215; 80, с. 63, 117, 129, 145, 157, 167, 179–180, 193, 205, 216; 81, с. 67, 119, 131, 148, 159, 167, 183, 196, 208, 220; 82, с. 61, 118, 131, 149, 162, 173–174, 187, 201–202, 215, 223; 83; 84; 85; 86, с. 42, 97–98, 110, 127, 141, 152, 166, 178, 191, 204]. Конфликты с прихожанами ускорили перемещение ксендзов-русификаторов на другие места, а частота смены настоятелей сама по себе становилась причиной новых конфликтов. Впоследствии Ф. Е. Сенчиковский объяснял фиаско деполонизации костела кадровыми переменами в Министерстве внутренних дел (в особенности возвышением в 1880 г. М. Т. Лорис-Меликова), что якобы в одночасье лишило ксендзов-русификаторов правительственной протекции. По утверждению М. Долбилова, охлаждение Министерства внутренних дел к «минскому эксперименту» произошло несколько раньше, в последний год управления А. Е. Тимашева и затем при Л. С. Макове (главе МВД с ноября 1878 г. по август 1880 г.) [26, с. 680].

Как ранее было отмечено, Е. Ф. Сенчиковский лишился покровительства минских властей при временно управлявшем в 1878 г. губернией (в качестве вице-губернатора) И. П. Альбединском – сыне Виленского генерал-губернатора П. П. Альбединского [26, с. 678]. А Ф. Сенчиковского по распоряжению Министерства внутренних дел и по предложению П. Жилинского, после отказа самого Ф. Сенчиковского от Слуцкого прихода, предвидя крайне негативное отношение к нему местного населения, 31 января 1879 г. перевели настоятелем в Бобруйский приход, без возобновления визитаторских полномочий, выдав ксендзу 700 руб. подъемных [1, с. 523]. В формулярном списке Ф. Сенчиковского было отмечено: в 1879 г. вследствие ходатайства по расстроенному здоровью с разрешения управляющего Министерством внутренних дел от 24 января за

Распределение вакансий настоятелей и викариев костелов по уездам Минской губернии (1864–1916 гг.)

№12 освобожден от должности заведующего училищем органистов в г. Минске и 30 января за №164 назначен Слуцким деканом; затем по ходатайству Ф. Сенчиковского управляющим епархией от 12 марта за №339 вследствие отзыва министра внутренних дел от 6 марта за №32 назначен на должность Бобруйского декана и настоятеля [1, с. 454].

Встречи и беседы с П. Жилинским в г. Вильно и с обоими визитаторами в г. Минске подтвердили, по утверждению М. Долбилова, сложившееся в Министерстве внутренних дел впечатление, что русификация костела зашла в тупик. В своем докладе от 13 июня 1879 г. министру внутренних дел Л. С. Макову А. Н. Мосолов подтвердил следующее: имели место склонение Ф. Сенчиковским учеников-органистов к сношениям с прислугой (с целью отбития у них пристрастия к онанизму), гомосексуальные наклонности ксендза и другие факты [1, с. 526–528; 20, с. 133]. Ф. Сенчиковский впал в немилость правительства: такой ксендз мог только вредить делу введения русского языка. Ф. Сенчиковскому запретили посещение училища органистов и не позволили встречаться со своими воспитанниками [33, с. 135]. После отстранения Ф. Сенчиковского временно заведование училищем органистов перешло в руки И. Макаревича [87, л. 2]. Минский губернатор В. И. Чарыков своим отзывом от 3 февраля 1879 г. вместо Ф. Сенчиковского заведующим училищем органистов и деканом по г. Минску, одновременно и настоятелем св. Троицкого прихода, назначил ксендза Павла Гавронского, бывшего викария Мариинского костела и законоучителя Минской гимназии [1, с. 522].

Сведения о притеснении Ф. Е. Сенчиковского за «известную свою преданность русскому правительству» дошли до директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий графа Сперанского и директора Департамента государственной полиции Плеве, которые в свою очередь обратились к Гродненскому губернатору генералу Н. М. Цеймерну, чтобы последний успокоил монахов. После проведенной личной беседы Стецкевича с губернатором настоятель монастыря заверил губернатора, что больше подобных эксцессов не будет. Но подобный ответ не удовлетворил Ф. Сенчиковского. В марте 1883 г. он поднимает пред Виленским генерал-губернатором вопрос о закрытии Гродненского францисканского монастыря как места «разврата, туеядства и крамолы». Гродненский губернатор даже предположил в июле 1883 г. отдать здание монастыря военному ведомству или городу для приспособления под помещение воинских частей. Но, кроме доказанных нескольких случаев исповедания монахами бывших униатов, у властей не было достаточных оснований для этого [1, с. 13–14].

Видя полную безучастность к своей особе, Ф. Сенчиковский решает бежать из г. Гродно (дабы не встретиться с назначенным 15 апреля 1883 г. Виленским римско-католическим епископом К. Гриневским, собиравшимся к этому времени в г. Гродно, и тем самым избежать унижительного наказания): едет в г. Санкт-Петербург, является к директору Департамента князю Кантакузену графу Сперанскому, объясняет ему свое ужасное положение в монастыре и безразличие к нему губернатора Цеймерна и прочих. Князь Кантакузен выдал ему от себя свидетельство на право жительства в г. Санкт-Петербурге на два месяца [1, с. 19]. Ф. Сенчиковскому военный министр исходатайствовал пенсию в 6 500 руб. пожизненного жалованья. В августе 1883 г. Ф. Сенчиковский, назначенный на два года военно-окружным священником в Туркестан, находился уже в г. Оренбурге, в октябре – в г. Ташкенте [1, с. 218]. По личному ходатайству Туркестанского генерал-губернатора М. Г. Черняева, предшественника К. П. фон Кауфмана, было дано разрешение на временное открытие каплицы в административном центре генерал-губернаторства, освещение которой состоялось 8 декабря 1883 г.

Надо сказать, что сразу же по прибытии в Туркестан Сенчиковский постарался наладить доверительные контакты с местным православным духовенством. Во время всего своего служения в крае каноник Ф. Е. Сенчиковский занимал строгую позицию, когда дело касалось обращения представителей других вероисповеданий в католицизм. В своих воспоминаниях он пишет: «В то время, когда я исповедовал католиков, подходили к исповеди и православные с заявлением, что они, слыша многое обо мне, хотели бы хоть раз в жизни у меня исповедоваться. Но я, кажется, трем или четырем лицам отказал, а после литургии, произнеся мою проповедь народу, объяснил, что я хоть и употребляю язык русский, но я – западной обрядности и поэтому не могу принимать к исповеди православных или лиц восточной обрядности» [88]. Об этом сообщили епископу Ташкентскому и Туркестанскому Неофиту, который в письме от 22 апреля 1884 г. выразил благодарность Ф. Сенчиковскому.

Находясь в г. Ташкенте, Ф. Сенчиковский по восемь месяцев в году делает объезды обширного Туркестанского военного округа, удовлетворяя духовные потребности католиков в самых отдаленных уголках края. Между тем вскоре после открытия каплицы у каноника начались конфликты с паствой [88]. Конфликт в римско-католической общине административного центра Туркестанского генерал-губернаторства – Ташкенте – заключался в возникших трениях между священником Ф. Сенчиковским и выбранным римско-католическим церковным советом, в составе которого был представитель польской интеллигенции статский советник Барановский. Барановский письменно обратился к главному начальнику края с обвинениями священника в нежелании сотрудничать с церковным советом, пренебрежительном отношении к верующим, а также в краже церковного имущества. В г. Ташкенте было совершено неудачное покушение на жизнь Ф. Сенчиковского. По этому поводу «Литовские епархиальные ведомости» написали: «Видно, что поляку, верующему в Россию и преданному России, не совсем и в России безопасно» [89, с. 8].

В 1885 г. срок миссии ксендза Ф. Е. Сенчиковского заканчивается и его отзывают из Туркестанского края. Назначенный в феврале 1884 г. Туркестанским генерал-губернатором Н. О. Розенбах не только не ходатайствовал о продолжении миссии, но добился того, чтобы Ф. Е. Сенчиковский поступил обратно в ведение Департамента духовных дел иностранных исповеданий; кроме того, предложил не назначать ему преемника. Министр поддержал просьбу с тем условием, что до конца 1885 г. Ф. Е. Сенчиковский (принимая во внимание его прежние заслуги) остается в ведении военного министерства с назначенным ему с 1883 г. жалованьем. С 1886 г. он должен был поступить обратно в ведение Министерства внутренних дел [88].

В 1893 г. упоминавшийся в начале статьи профессор Краковского университета ксендз Кнапинский в своей брошюре, посвященной введению русского языка в римско-католическое богослужение, написал лично Ф. Сенчиковскому: «... Когда ты говорил проповеди по-русски вместо того, чтобы обращаться к белорусам по-белорусски, к полякам по-польски – ты вел антипольскую агитацию в пользу русификации. Поэтому ты заслужил порицание со стороны своего духовного начальства – за употребление твоего сана для политической агитации. Католический епископ, будь он даже русским, не мог бы за это похвалить тебя. Поляки же, как поляки, основательно рассердились на тебя и если они тебя преследовали, как ты об этом пишешь, то я этому вовсе не удивляюсь...» [1, с. 480].

С 1897 г. заметно усилилось притеснение духовным начальством органистов и римско-католических священников, служивших на русском языке [90, л. 223]. Находясь в 1897 г. в г. Омске в качестве бессильного, никому не нужного деятеля, Ф. Сенчиковский, не перестававший следить через органиста Володьку и других лиц за тем, что происходит с училищем органистов, узнал наконец, что, в соответствии с докладом директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий Мосолова, оно навсегда закрыто [1, с. 504].

6 февраля 1898 г. из г. Омска Ф. Сенчиковский пишет недавно назначенному Виленскому генерал-губернатору В. Н. Троцкому письмо «как белорус и потомок униатов» с просьбой о назначении, но безуспешно [1, с. 523]. Умер Ф. Е. Сенчиковский в г. Омске. Ни один представитель римско-католического духовенства не пришел на похороны ксендза, которые, по согласию православного епископа Гавриила, проводило православное духовенство с внесением усопшего в православный кафедральный собор. Позже на могиле Ф. Сенчиковского вместо маленького деревянного креста был поставлен приличный мраморный памятник в виде столба из цельной глыбы, с рельефной надписью, согласно духовному завещанию: «† каноник Фердинад Евстафьевич Сенчиковский родился 4 октября 1837 г., умер 26 октября 1907 г., из потомственных дворян». Могила была обнесена железной оградой [1, с. 659].

Таким образом, значение деятельности Ф. Е. Сенчиковского для римско-католической церкви в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. нельзя однозначно охарактеризовать как отрицательное или положительное. Именно благодаря его активности в уездах, входивших в 1-е визитаторство (Минский, Борисовский, Игуменский, Бобруйский уезды Минской губернии), долгое время не могли быть назначены новые настоятели и викарии, поскольку условием такого присутствия администрацией вменялось проведение римско-католического богослужения на русском языке. Паства этих римско-католических приходов оставалась без должного духовного окормления: преодоление расстояния в несколько километров до ближайшего ксендза

оказывалось непосильным не только по причинам скудности денежных доходов населения, прежде всего крестьян, но и физической невозможностью в силу ограниченности во времени. Похороны без ксендза, а также крещение детей в Минской губернии засвидетельствовали многие современники. Редкое, причем тайное, появление ксендза, совершавшего молитвословия на польском языке, воспринималось как чудо, весть о его появлении передавалась шепотом, тайными разговорами, чтобы никто не услышал. Нельзя было нарушать границы своего прихода, тысячи людей были избавлены от духовной опеки: умирали без исповеди, дети росли некрещеными – о христианских нуждах не было и слова. К «ренегатам» народ не шел – сторонился их как прокляженных [20, с. 127, 134]. По словам А. Ельского, проживавшего в Минской губернии, «люди рождались и умирали без света веры, а дикость нравов стала привычной, и только бюрократия была довольна этой картиной уничтожения католического духа» [91, с. 49].

Наибольший прирост количества римско-католического населения за 1864–1897 гг. был, по уменьшению, в Витебской губернии – 155,2 % (с 230,2 тыс. чел. – до 357,3 тыс. чел.), Виленской – 154 % (с 607,5 тыс. чел. – до 935,8 тыс. чел.), Гродненской (с 273,1 тыс. чел. – до 386,5 тыс. чел.), Минской (с 179,9 тыс. чел. – до 217,9 тыс. чел.), Могилевской губернии (с 43 тыс. чел. – до 50,1 тыс. чел.) [92, с. 180]. Оценим разность чисел по уменьшению: Виленская губерния – 328,3 тыс. чел., Витебская – 127,1 тыс. чел., Гродненская – 113,4 тыс. чел., Минская – 38 тыс. чел., Могилевская губерния – 7,1 тыс. чел. Следовательно, прирост римско-католиков в соотношении с православными составил в Виленской губернии – 1 к 0,90, Гродненской – 1 к 3,79, Минской – 1 к 22,15, Витебской – 1 к 2,99, в Могилевской губернии – 1 к 93,5. Усилия правительства Российской империи, направленные на ослабление позиций римско-католической церкви, деятельность Ф. Е. Сенчиковского и других «ритуалистов» привели к определенному результату.

В период с 1871 по 1897 г. в г. Минске при костеле св. Троицы на Золотой Горке действовало училище органистов, которое было единственным подобного рода учреждением во всей Российской империи. Именно Ф. Е. Сенчиковскому принадлежит авторство переводов на русский язык литургических сочинений, которыми он под угрозой ссылки заставлял пользоваться настоятелей [91, с. 23]. В принятых правилах обучения в училище требовалось, чтобы органист в разговорах с настоятелем костела по делам службы, в костеле, сакристии, дома в присутствии прихожан разговаривал на русском языке [93]. В училище по специальной программе, рассчитанной на 5 лет обучения, ученики занимались на фортепиано, скрипке, изучали теорию музыки, а также общеобразовательные предметы (русский язык, латынь и т.д.), был создан оркестр духовой музыки [94; 84, с. 90].

По отбытии Ф. Е. Сенчиковского из г. Ташкента была закрыта римско-католическая каплица по причине отсутствия средств на ее содержание. Колокол продали Ташкентской епархии Русской Православной Церкви, а само здание – великому князю Николаю Константиновичу Романову. Но именно с этого времени в Туркестанский край стали периодически приезжать римско-католические священники. В 1888 г. сюда командировали инспектора кавказских приходов ксендза Юлиана Добкевича. Впоследствии военный министр издал приказ о командировании в Туркестанский военный округ один раз в два года капеллана Кавказского военного округа [88].

Символичны в оценке деятельности Ф. Сенчиковского слова его племянника: «Тридцать семь лет лучшей жизни посвятил я ему и делил с ним горе, ибо радостей не было. Благодаря этой жизни я потерял все для меня дорогое – родных, родину, всех для меня дорогих. Досмотрел покойного до последней минуты его жизни, устроил приличное его положению погребение и поставил приличный мраморный памятник. Одним словом, я исполнил все, от меня зависящее, не справляясь, что за это получу. И что вышло? В результате, как оказалось, я не имел даже близкого, преданного сердца и друга. И вот ввиду этого я, как нравственно угнетенный и разбитый, искренно желал бы забыть о всем прожитом и не вспоминать прошедшее...» [1, с. 659].

Список использованной литературы

1. *Жиркевич, А. В.* Из-за русского языка. Биография каноника Сенчиковского: в 2 ч. / А. В. Жиркевич // Минская старина. – 1911. – Вып. 3. – Ч. 2. – 684 с.
2. *Knapieński, W.* List do pewnego kapłana katolickiego / W. Knapieński. – Kraków, 1893. – 54 s.
3. Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – №22. – С. 7–8.

4. Литовские епархиальные ведомости. – 1883. – №2. – С. 7.
5. Литовские епархиальные ведомости. – 1883. – №35. – С. 8–9.
6. Литовские епархиальные ведомости. – 1885. – №8. – С. 10–11.
7. Литовские епархиальные ведомости. – 1878. – №35. – С. 5–6.
8. Литовские епархиальные ведомости. – 1880. – №46. – С. 8–9.
9. Литовские епархиальные ведомости. – 1882. – №10. – С. 5–6.
10. *Чихачев, Д. Н.* К вопросу о распоряжении костела в прошлом и настоящем / Д. Н. Чихачев. – СПб., 1913. – 136 с.
11. *Линкевич, В. Н.* Межконфессиональные отношения в Беларуси во второй половине XIX – начале XX века: автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / В. Н. Линкевич; Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2004. – 23 с.
12. *Смалянчук, А. Ф.* Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – 1917 гг. / А. Ф. Смалянчук; пад рэд. С. Куль-Сяльверставай. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 322 с.
13. *Смалянчук, А. Ф.* «Беларуская карта» ў дзейнасці царскай адміністрацыі (другая палова XIX – пачатак XX ст.) / А. Ф. Смалянчук // Спадчына. – 1996. – № 11. – С. 53–66.
14. *Бендин, А. Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А. Ю. Бендин. – Минск: БГУ, 2010. – 439 с.
15. *Krzemieński, S.* Dwadzieścia pięć lat Rosji w Polsce (1863 – 1888) / S. Krzemieński. – Lwów: nakl. redak. «Ekonomisty Polskiego», 1892. – 312 s.
16. *Ostoja, T.* Garść wspomnień z niedawnej walki o wolność sumienia w Rosyi / T. Ostoja. – Warszawa, 1916.
17. *Czarkowski, L.* Wilno w latach 1867–1875 (ze wspomnień osobistych) / L. Czarkowski. – Wilno, 1929. – 327 s.
18. *Dzwonkowski, R.* Polacy na dawnych kresach wschodnich. Z problematyki narodowościowej i religijnej / R. Dzwonkowski. – Lublin: Oddział Lubelski Stowarzyszenia «Wspólnota Polska», 1994. – 150 s.
19. *Przybyszewski, J.* Język rosyjski w katolickim rytuale i w dodatkowym nabożeństwie / J. Przybyszewski. – Lwów, 1897.
20. *Zyskar, J.* Nasze Kościoły. Opis ilustrowany wszystkich Kościołów i Parafji znajdujących się na obszarach dawnej Polski i ziemiach przyległych. Djecezja Mińska / J. Żyskar. – Warszawa–Petersburg: druk. P. Laskaura, 1914. – T. I, cz. 2. – 348 s.
21. *Nagrodzki, Z.* Rola duchowstwa katolickiego w godzinie prob i cierpien na terenie Litwy i Bielej Rusi (1863–1883) / Z. Nagrodzki. – Wilno, 1935. – 274 s.
22. *Sznarbachowski, F.* Początek i dzieje rzymsko-katolickiej djecezji Łucko-żytomierskiej / F. Sznarbachowski. – Warszawa, 1936. – 179 s. – S. 91–92.
23. *Kumor, B.* Historia Kościoła: w 7 cz. / B. Kumor. – Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1973. – Cz. 7. – 514 s.
24. *Radwan, M.* Polityka wyznaniowa caratu na Białorusi w XIX w. Implikacje duszpasterskie / M. Radwan // Nasza przeszłość. – 2001. – T. 95. – S. 197–240.
25. *Jelski, A.* Dzieje dyecezyi Mińskiej w zarysie. – Mińsk: druk E. Nowickiego w Wilnie, 1907. – 26 s.
26. *Долбилов, М. Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М. Д. Долбилов. – М.: Новое лит. обозрение, 2010. – 1000 с.
27. Дело о разрешении вести русский язык в богослужении римско-католической веры в Гродненской губернии: в 2 ч. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 6. Д. 2374. Ч. 2.
28. Дело о назначении ксендзов Сенчиковского и Юргевича в визитаторства // НИАБ в г. Минске. – Ф. 1781. Оп. 2. – Д. 6759.
29. *Катков, М. Н.* О русском языке в католическом богослужении / М. Н. Катков // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России; сост. и изд. С. Шолкович. – Вильна, 1885. – Вып. 1. – С. 228–237.
30. Вестник Западной России. – 1865. – Кн. 6, от. 4, т. 2.
31. *Корнилов, И.* Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху / И. Корнилов. – СПб.: тип. А. П. Лопухина, 1901. – 504 с.
32. Римско-католический катехизис о повинении и преданности престолу и отечеству нашему России, или объяснения 4-й заповеди господней, касательно начальства и его власти. По изданию Виленским римско-католическим епископом Красинским, перевел с польского минский декан ксендз Сенчиковский. – Вильно: Губ. тип., 1871. – 16 с.
33. *Яноўская, В. В.* Хрысціянская царква ў Беларусі 1863–1914 гг. / В. В. Яноўская. – Мінск: БДУ, 2002. – 199 с.
34. Дело о назначении выпускников органистов по костелам Минской губернии // НИАБ в г. Минске. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 5979.
35. Дело о представлении настоятелями костелов в городские управы, волостные управления сведений о родившихся за 1857 г., 1858 г., 1861 г.; о назначении ксендза Сломинского Иоанна настоятелем Озерского костела и по другим вопросам // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 886. Оп. 1. Д. 265.
36. Дело по обвинению ксендзов в уклонении от русского языка // НИАБ в г. Минске. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 3524.
37. *Черепица, В. Н.* Польское национально-освободительное движение в Белоруссии (последняя треть XIX в.): факты, события, комментарии / В. Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 1996. – 143 с.
38. НИАБ в г. Минске. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 2189.
39. *Ważyński, A.* Litwa pod względem przesławiania w niej rzymsko-katolickiego kościoła / A. Ważyński. – Poznań, 1891. – 264 s.
40. *Ракоўскі, М.* Супрацьстаянне / М. Ракоўскі // Наша вера. – 1996. – №1. – С. 73–81.
41. Памятная книжка Минской губернии на 1866 годъ. – Минскъ: тип. губ. правл., 1866.
42. Памятная книжка Минской губернии на 1867 годъ. – Минскъ: тип. губ. правл., 1867.
43. Памятная книжка Минской губернии на 1870 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1870.
44. Памятная книжка Минской губернии на 1872 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1872.
45. Памятная книжка Минской губернии на 1873 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1873.

46. Памятная книжка Минской губернии на 1874 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1873.
47. Памятная книжка Минской губернии на 1875 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1875.
48. Памятная книжка Минской губернии на 1878 годъ. – Минскъ: типо-лит. Р. Дворжець, 1878.
49. Памятная книжка Минской губернии на 1880 годъ. – Минскъ: тип. губ. правл., 1879.
50. Памятная книжка Минской губернии на 1881 годъ. – Минскъ: типо-лит. Р. Дворжець, 1880.
51. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1882 годъ. – Минскъ: типо-лит. Л. Дворжець, 1881.
52. Памятная книжка Минской губернии на 1883 годъ. – Минскъ: типо-лит. Р. Дворжець, 1882.
53. Памятная книжка Минской губернии на 1884 годъ. – Минскъ: типо-лит. Р. Дворжець, 1883.
54. Памятная книжка Минской губернии на 1885 годъ. – Минскъ: тип. Р. Дворжець, 1884.
55. Памятная книжка Минской губернии на 1886 годъ. – Минскъ: тип. Р. Дворжець, 1885.
56. Памятная книжка Минской губернии на 1887 годъ. – Минскъ: тип.-лит. Р. Дворжець, 1886.
57. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1888 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1887.
58. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1889 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1888.
59. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1890 годъ. – Минскъ: типо-лит. Б. И. Соломонова, 1889.
60. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1891 годъ. – Минскъ: типо-лит. Б. И. Соломонова, 1890.
61. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1892 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1891.
62. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1893 годъ. – Минскъ: тип. Р. Дворжець, 1892.
63. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1894 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1893.
64. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1895 годъ. – Минскъ: тип.-лит. Х. Дворжеца и Б. Соломонова, 1894.
65. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1896 годъ. – Минскъ: тип.-лит. Х. Дворжеца и Б. Соломонова, 1895.
66. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1897 годъ. – Минскъ: тип.-лит. Х. Дворжеца и Б. Соломонова, 1896.
67. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1898 годъ. – Минскъ: тип.-лит. Х. Дворжеца и Б. Соломонова, 1898.
68. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1899 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1898.
69. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1900 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1899.
70. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1901 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1900.
71. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1902 годъ. – Минскъ: тип. В. И. Соломонова, 1901.
72. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1903 годъ. – Минскъ: тип. Б. И. Соломонова, 1902.
73. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1904 годъ. – Минскъ: тип. Б. И. Соломонова, 1903.
74. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1905 годъ. – Минскъ: тип. Б. И. Соломонова, 1904.
75. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1907 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1906.
76. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1908 годъ. – Минскъ: тип. С.А. Некрасова, 1907.
77. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1909 годъ. – Минскъ: тип. С.А. Некрасова, 1908.
78. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1910 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1909.
79. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1911 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1910.
80. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1912 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1911.
81. Памятная книжка и календарь Минской губернии и календарь на 1913 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1912.
82. Памятная книжка и календарь Минской губернии и календарь на 1914 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1913.
83. Памятная книжка и календарь Минской губернии и календарь на 1915 годъ. – Минскъ: губ. тип., 1914.
84. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
85. Ведомость о костелах 2-го визитаторства Минской губернии // НИАБ в г. Минске. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 3113.
86. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1917 годъ. – Минскъ: тип. Инвалидов, 1916.
87. Дело об ассигновании средств на Минскую школу органистов // НИАБ в г. Минске. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 3538.
88. *Мазитов, М.* Из истории Католической церкви в Узбекистане / М. Мазитов // Богослов.Ru – Научный богословский портал [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/1610819.html>. – Дата доступа: 24.06.2014.
89. Литовские епархиальные ведомости. – 1886. – № 21. – С. 8–9.
90. Дело о положении римско-католического духовенства в губернии // НИАБ в г. Минске. – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 1774.
91. *Ельскі, А.* Нарыс па гісторыі Мінскай дзяцэзіі / А. Ельскі // Наша вера. – 2003. – № 1. – С. 46–51.
92. *Яноўская, В.* Канфесіянальная палітыка ўлад / В. Яноўская // Гісторыя Беларусі: у 6 т.; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2005. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – С.179–187.
93. *Ельскі, А.* Нарыс па гісторыі Мінскай дзяцэзіі / А. Ельскі // Наша вера. – 2002. – № 4. – С. 16–26.
94. *Шэйпа, С.* Адукацыя касцёльных музыкантаў на Беларусі ў XX ст. / С. Шэйпа // Наша вера [Электронны рэсурс]. – 2008. – № 1(43). – Рэжым доступу: <http://media.catholic.by/nv/n24/search.htm?do=search&author=37>. – Дата доступу: 02.11.2011.

Поступила в редакцию 09.12.2014